
И. Е. СУРИКОВ

ИНСТИТУТ ОСТРАКИЗМА В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ: К ОБЩЕЙ ОЦЕНКЕ ФЕНОМЕНА

Достаточно заметное место в политической системе и политической жизни греческих полисов классической эпохи занимала такая специфическая процедура, как остракизм. Источниками (нарративными и эпиграфическими) остракизм в той или иной форме зафиксирован в ряде эллинских городов-государств. Среди них – Мегары, Аргос, Милет, Сиракузы, Кирена и даже отдаленный Херсонес Таврический в Крыму. Но только о существовании остракизма в Афинах V в. до н. э. имеется достаточно обильная информация, позволяющая изучать феномен не только в деталях, но и со значительной степенью системности¹¹. Соответственно в первую очередь именно на афинском материале делаются основные выводы по различным вопросам истории и сущности рассматриваемого института. Будем следовать этой традиции и мы²².

Представляется уместным прежде всего дать определение интересующего нас явления. Остракизм (в своей «классической» форме, как он функционировал в демократических государствах V в. до н. э.) – внесудебное изгнание по политическим мотивам наиболее влиятельных граждан из полиса на фиксированный срок (в Афинах – 10 лет), без поражения в гражданских (в том числе имущественных) правах и с последующим полным восстановлением в политических правах, осуществлявшееся путем голосования

¹ См. последний по времени обзор этой информации: Ostrakismos-Testimonien, 2002. Это издание пока не закончено; на сегодняшний день подготовлен и опубликован только первый том, в который вошли наиболее ранние свидетельства.

² Автору этих строк неоднократно приходилось писать о различных аспектах истории остракизма. Укажем некоторые, важнейшие из наших работ по вопросу: Суриков 1999а; 2000а; 2000б; 2001; 2002; 2004а; 2004б. На эмпирическом анализе, проделанном в перечисленных работах, будут основываться суждения обобщающего характера в данной статье. Обозначим также главные зарубежные исследования по проблеме, в которых рассматривается процедура остракизма: Carcopino 1935; Calderini 1945; Vanderpool 1970; Thomsen 1972; Lang 1990; Brenne 2001.

демоса в народном собрании при применении особой процедуры (в Афинах – с использованием надписанных глиняных черепков, остраконов, откуда и само слово «остракизм»). Весьма принципиальной чертой остракизма было то, что он предусматривал изгнание не за какое-то совершенное индивидом деяние, а в превентивных, «профилактических» целях, во избежание совершения такого деяния в будущем (например, захвата влиятельным лицом единоличной, тиранической власти). Именно поэтому остракизм нельзя считать наказанием. Как известно, не может быть наказания без преступления, *nulla poena sine crimine*.

Какая общая оценка может быть дана институту остракизма? Оценки подобного рода, причем весьма далекие друг от друга, и ранее давались в историографии, как античной, так и современной, в связи с чем необходимо привести хотя бы некоторые из них, наиболее интересные и типичные. Начнем с суждений современных ученых. Зачастую эти суждения, скорее, негативны.

Так, историк древнегреческого права Дж. Джоунс (Jones 1956: 119) полагал, что само существование остракизма стало возможным лишь благодаря некоторым органическим порокам греческого правосознания, как, например, отсутствию сколько-нибудь четкой границы между законодательной и судебной функцией народа, а также между санкцией закона и санкцией общественного мнения. С этим можно отчасти согласиться, поскольку правосознание в условиях греческих полисов действительно имело ряд специфических черт, крайне далеких от привычных нам³³. Другое дело, стоит ли считать эти черты обязательно признаками низкого уровня, примитивного характера греческого права или же, скорее, признаками просто его «инаковости» по отношению, скажем, к праву римскому. Это вопрос сложный, который не может быть сколько-нибудь подробно затронут в данной работе и требует специального анализа (см. в данной связи: Суриков 2000с: 280; Суриков 2004с: 7). Как бы то ни было, остракизм – действительно порождение греческого права, греческого правосознания и – шире – греческого менталитета. У римлян ничего подобного мы не найдем, равно как, кажется, и у других народов как древнего мира, так и иных исторических

³³ О некоторых из этих черт нам приходилось писать ранее (см.: Суриков 1999b).

эпох. Остракизм представляется нам уникально греческим явлением, не имеющим близких аналогий в прочих цивилизациях, и автор этих строк будет в высшей степени благодарен, если ему укажут, что это не так.

Несколько пренебрежительно, как нам кажется, оценивал остракизм выдающийся российский историк-антиковед С. Я. Лурье, полагавший, что этот институт «основан на наивной вере во всемогущество великих людей, на антрополатрии» (Лурье 1929: 154). Безусловно, в остракизме, как в институте, имевшем древнее происхождение и ритуальные корни (Hall 1989; Mirhady 1997), можно при желании найти черты, которые покажутся наивными на изощренный взгляд современного исследователя. Но ведь тогда придется объявить «наивным» и «примитивным» очень и очень многое в политической практике античности, например, прямую демократию, широкое применение жребия при выборе должностных лиц, систему огромных судов присяжных, состоящих из граждан-непрофессионалов и т. п.⁴⁴ Однако стоит ли столь уж снисходительно взирать на достижения древних греков в политической сфере, мерить их критериями наших дней? Многие элементы античных демократических политических систем представляются нам странными и чуждыми, скорее, не из-за своей пресловутой «примитивности», а потому, что они были порождены совершенно иными условиями, условиями полиса. Древнему греку тоже многое показалось бы странным и чуждым в политической практике современных государств, именующих себя демократическими. Так, он, вне сомнения, счел бы примитивной и вполне олигархической чертой практическое отсутствие реального участия рядового населения в определении государственной политики, когда масса граждан лишь раз в несколько лет – на выборах – имеет возможность высказать свое мнение, а в остальное время полностью отчуждена от политической жизни⁵⁵.

⁴⁴ Как это зачастую и делается. См., например: Thür 1995. В этой работе система афинских судов присяжных объявлена «примитивной» и «тупиковой».

⁵⁵ М. Хансен справедливо отмечает, что упреки по адресу античной демократии, исходящие из уст ее современных критиков, выглядят в наши дни все более лицемерными (Hansen 1989: 28).

К. Кинцль (Kinzl 1977: 209) считал, что закон об остракизме был плохо продуман; введенный им институт лучше всего работал, как ни парадоксально, тогда, когда он не применялся и оставался «в ножнах» (507–487 гг. до н. э.), а будучи раз пущен в действие, он стал предметом злоупотреблений. Но ведь можно сказать, что любой институт в любом обществе лучше выглядит «на бумаге», чем в реальной жизни, где злоупотребления возможны всегда. Не прав исследователь и тогда, когда утверждает, что закон об остракизме был единственным в афинской конституции, который со временем вышел из употребления (ср. аналогичный пример: Arist. Ath. pol. 60.2).

По мнению Дж. Кэмп (Camp 1986: 57), остракизм, в принципе, по своей задумке был интересной идеей, но реально эта идея не работала, так как на деле влиятельные и могущественные политики использовали его для устранения своих соперников. Получалось, что тот политический деятель, который в наибольшей степени был способен стать тираном и поэтому должен был, казалось бы, в первую очередь подвергнуться изгнанию, как раз оставался в полисе, а изгонялись политики более слабые и потому менее опасные. В данной точке зрения, бесспорно, есть свой резон. В 480-е гг. до н. э. жертвами остракизма стали, например, Гиппарх, сын Харма, и Мегакл, сын Гиппократы, хотя вряд ли эти двое вынашивали планы захвата тиранической власти, а Фемистокл не был изгнан, хотя влиятельнее (а стало быть, и опаснее для демократии), чем он, в Афинах в тот момент не было никого. В 440-е гг. до н. э. в остракизм удалился Фукидид, сын Мелесия, а Перикл остался в городе и стал едва ли не единоличным правителем. И афинянам еще очень повезло, что это был Перикл – человек, насколько можно судить, твердых морально-политических принципов, преданный идее народовластия и в этом смысле являвшийся, скорее, исключением в среде современных ему лидеров⁶⁶. Будь на его месте другой деятель, менее скованный внутренними сдерживающими факторами, афинскому полису нелегко было бы избежать тирании. В 410-е гг. до н. э. Алкивиад – политик, более других вызывавший опасения как по-

⁶⁶ Характерна, например, реакция молодого Алкивиада, с удивлением узнавшего, что Перикл напряженно готовит отчет о своей деятельности для народного собрания (Plut. Alc. 7). «А не лучше ли было бы ему подумать о том, как вообще не давать отчетов?» – сказал по этому поводу Алкивиад.

тенциальный тиран, – не был подвергнут остракизму, а жертвой его стал демагог Гипербол, между тем как никому из афинян даже и во сне не привиделась бы абсурдная мысль о том, что этот человек сможет когда бы то ни было, при каких бы то ни было обстоятельствах претендовать на положение тирана.

И тем не менее в целом суждение Кэмпя представляется нам чрезмерно категоричным. Утверждать, что идея остракизма не работала, можно только в том случае, если слишком узко и односторонне понимать эту идею, видеть в остракизме исключительно инструмент борьбы с потенциальными тиранами. А между тем задачи остракизма уже изначально были шире. Он был не только «лекарством от тирании» (которая, к слову скажем, в течение классической эпохи была, скорее, пропагандистским жупелом, нежели реальной серьезной угрозой для демократии), но также и гарантом против острых всплесков стасиса (гражданской смуты) и дестабилизации политической жизни, а кроме того, средством общего контроля демоса над деятельностью аристократической политической элиты (Суриков 2004а: 24). Впоследствии он стал для граждан еще и средством выбора между лидирующими политиками и их линиями (Суриков 2004а: 25). И вот все эти функции остракизм, насколько можно судить, выполнял в большинстве случаев вполне успешно.

По вышеизложенным мотивам более оправданными представляются нам те оценки остракизма, которые уделяют больше внимания позитивным, конструктивным чертам этого института. Д. Кэген (Kagan 1961: 401) убежден в том, что закон об остракизме – показатель величия его автора Клисфена как государственного деятеля. Учрежденная законодателем процедура была, в сущности, мягкой и гуманной (об этом см. также: Карпюк 1986: 24; Sinclair 1991: 170); было сделано все, чтобы не допустить злоупотребления ею. Этому свидетельствует и то обстоятельство, что необходимо было достаточно большое число голосов для признания остракофории состоявшейся⁷⁷, что должно было препятствовать вынесению произвольных, непродуманных решений, и относительно нетяжелый характер накладывавшейся санкции (десятилетнее, а не пожизнен-

⁷⁷ Для изгнания политика остракизмом необходимо было, чтобы против него проголосовали 6000 граждан.

ное изгнание, причем без атимии – лишения гражданских прав – и конфискации имущества). При этом остракизм, о котором демос ежегодно напоминал элите посредством прохиротонии – предварительного голосования (независимо от того, проводилась ли реально в данный год остракофория или же к ней решали не обращаться), служил мощным сдерживающим фактором для политических лидеров, неким предупреждением, конституционной гарантией, не раз на протяжении V в. до н. э. спасавшей Афины от стасиса. Пока закон об остракизме оставался в силе и не стал еще мертвой буквой, разного рода подрывные группировки были слабы. А как только остракизм перестал применяться, афинский полис практически сразу был потрясен целой чередой переворотов и кровавых смут.

Практически все в таком подходе представляется верным. Хотелось бы оговорить только один нюанс. Может быть, не стоит ставить в столь прямую и непосредственную связь выход остракизма из употребления и активизацию деятельности подрывных группировок (гетерий). Это все-таки явления разного порядка, и соотношение между ними следует считать более опосредованным. Ведь остракизм был направлен отнюдь не против гетерий и вообще не против каких-либо группировок, а против личностей, причем личностей первостепенного значения, наиболее влиятельных в полисе. Большинство лидеров гетерий конца V в. до н. э. по своему политическому «весу» попросту не дотягивало до остракизма. Этот институт в последний период своего применения мог играть роль «острастки» для фигур масштаба Никия и Алкивиада, но уже такие политики, как, например, Евфилет (глава гетерии, к которой принадлежал будущий оратор Андокид; об этой гетерии см.: Никитюк 2002), Писандр и Фриних (инициаторы олигархического переворота 411 г. до н. э.) и т. п., могли считать себя всецело вне сферы его действия. Не случайно имена этих последних не встречаются на найденных археологами в Афинах остраконах, а их более 10 тысяч.

Позитивные черты остракизма подчеркивает и Р. Томсен (Thomsen 1972: 141–142). По его мнению, данный институт проявил себя как эффективный инструмент разрешения политических конфликтов, в целом, мирным путем. Он оказался благотворным для общества и в положительном смысле повлиял на стабильность афинской демократии в V в. до н. э. М. Лэнг также называет остра-

кизм полезным и гуманным способом предотвращения раскола полиса в результате борьбы за власть (Lang 1990: 5)⁸⁸.

Интересно в связи с вышесказанным затронуть вопрос о том, как оценивали институт остракизма сами античные авторы. Следует сразу сказать, что у них, как и у современных исследователей, мы не найдем единства мнений по данному сюжету. Обнаруживаются суждения как позитивного, так и негативного плана.

В частности, самый ранний из дошедших до нас развернутых пассажей об остракизме имеет отчетливо критический характер (ср.: Neftner, Scheidel, Siewert 2002: 491). Этот пассаж содержится в IV речи оратора Андокида, который в своей молодости застал еще остракизм в действии; соответственно свидетельство относится к началу IV в. до н. э. – к тому периоду, когда прошло еще совсем немного времени с момента последней остракофории и многие афиняне должны были на собственном опыте знать, о чем идет речь. Что же говорит об остракизме Андокид (или тот, кто скрывается под его именем)⁸⁹ в своем политическом памфлете (Andoc. IV: 3–6)?

«Достоин порицания тот, – начинает оратор свою критику остракизма, – кто установил такой закон, который ввел в практику действия, противные клятве народа и Совета. Там вы клянетесь никого не изгонять, не заключать в тюрьму, не казнить без суда; в настоящем же случае без формального обвинения, без права на защиту, после тайного голосования человек, подвергшийся остракизму, должен лишиться своего отечества на такое долгое время! Далее, в подобных обстоятельствах большим преимуществом, чем другие, располагают те, у кого много друзей среди членов тайных обществ и политических союзов (*hetairus kai synomotas*). Ведь здесь не так, как в судебных палатах, где судопроизводством занимаются те, кто избран по жребию: здесь в принятии решения могут участвовать все афиняне. Кроме того, мне кажется, что этот закон устанавливает наказание, которое для одних случаев оказывается недостаточным, а для других – чрезмерным. В самом деле, если иметь в виду преступления, совершаемые против частных лиц, то я считаю, что это наказание (*timogian*) слишком велико; а если говорить о престу-

⁸⁸ Отметим, что еще больше века назад о чем-то подобном писал в России К. Я. Люгебиль (Люгебиль 1868: 190).

⁸⁹ По проблеме авторства IV речи корпуса Андокида см.: Суриков 2003.

плениях, совершаемых против государства, то я убежден, что оно ничтожно и ровно ничего не стоит, коль скоро можно наказывать денежным штрафом, заключением в тюрьму и даже смертной казнью. С другой стороны, если кто-либо изгоняется за то, что он плохой гражданин, то такой человек и в отсутствие свое не перестанет быть плохим; напротив, в каком городе он ни поселится, он и этому городу будет причинять зло, и против своего родного города будет злоумышлять ничуть не меньше, а, быть может, даже и больше и с бóльшим основанием, чем до своего изгнания. Я уверен, что в этот день более, чем когда-либо, ваших друзей охватывает печаль, а ваших врагов – радость, ибо и те и другие понимают, что если вы по недоразумению удалите в изгнание гражданина, во всех отношениях превосходного (*beltiston*), то в течение десяти лет город не получит от этого человека никакой услуги. Следующее обстоятельство позволяет еще легче убедиться в том, что закон этот плох: ведь мы – единственные из эллинов, кто применяет (*chrometha*) этот закон, и ни одно другое государство не желает последовать нашему примеру. А ведь лучшими установлениями (*arista ton dogmaton*) признаются те, которые оказываются более всего подходящими и для демократии, и для олигархии и которые имеют более всего приверженцев» (перевод Э. Д. Фролова).

На первый взгляд, критика кажется поистине уничтожающей (по поводу этой критики см.: Siewert 1989: 231). Однако не будем забывать о некоторых немаловажных нюансах. Во-первых, перед нами памятник риторического жанра, у которого, как известно, были свои законы. Если в риторике нужно было воздать кому-то (или чему-то) хвалу (*энкомий*), то ораторы не скупались на пышные, восторженные эпитеты. И соответственно если требовалось кого-то (или что-то) порицать (*псогос*), то они не жалели максимально черных красок. Полутона не допускались. Кстати, вся IV речь Андокида «Против Алкивиада», в сущности, принадлежит именно к жанру псогоса, и в дальнейшем Алкивиад изображается в ней как-им-то зверем в человеческом облике.

Во-вторых, памятник, о котором идет речь, относится не просто к риторическому жанру. Это – политический памфлет, тенденциозный и субъективный до степени *nes plus ultra*. Ожидать в подобном

произведении взвешенных, осторожных суждений не приходится: речь буквально пылает духом вражды.

В-третьих, если автором речи действительно является Андокид (а это все-таки наиболее вероятно), то к ней должно относиться то, что мы знаем об особенностях творческого стиля данного автора. Среди таких особенностей – крайне вольное обращение с историческими фактами и реалиями, вплоть до их прямого искажения. Примеры этого подхода несложно обнаружить и в только что процитированном пассаже. Так, оратор называет остракизм наказанием, каковым этот институт не являлся, как мы уже говорили выше. Далее, он явно преувеличивает роль гетерий на остракофориях. Гетерии были небольшими политическими группировками, и даже совокупное голосование нескольких таких объединений (в случае какого-нибудь «сговора» между ними) не могло по-настоящему существенно повлиять на исход остракофории (Суриков 2000d). И уж явно ложным представляется указание на то, что якобы ни один другой полис, кроме Афин, не применяет остракизм. Из трудов других авторов (Аристотеля, Диодора, схолиаста к Аристофану) известно об остракизме или аналогичных процедурах в целом ряде греческих государств. Но что до всего этого нашему памфлетисту, коль скоро нужно навязать аудитории свою – отнюдь не бесспорную – точку зрения!

Нетрудно заметить, кроме того, что фактически Андокид (хотя он и пытается завуалировать это рассуждениями об общем благе) оценивает остракизм не с точки зрения интересов всего гражданского коллектива, а с позиций членов аристократической элиты, которым эта мера грозила в первую очередь. Понятно, что политическим лидерам – аристократам – была не слишком-то симпатична такая ситуация, при которой демос мог своим решением на длительный срок исключить любого из них из общественной жизни. Их взгляды и отражает автор речи. Иными словами, не следует воспринимать негативную оценку института остракизма Андокидом как общепринятую в его дни или хотя бы влиятельную. Она, скорее, парадоксальна и эпатажна. И если в какой-то исторический момент подобная точка зрения могла найти некоторое понимание у более широких слоев граждан, а не только у аристократов, то это могло случиться, подчеркнем, именно тогда и только тогда, когда

рассматриваемый памятник был создан. На психологическом уровне в начале IV в. до н. э. еще существовало определенное «отчуждение» от остракизма, вызванное неудачной остракофорией 415 г., ставшей последней, и более объективный и взвешенный взгляд на институт как таковой еще не выработался.

Такой взгляд начал вырабатываться уже в течение следующих десятилетий. Ближе к концу IV в. до н. э. мы обнаруживаем ряд оценочных суждений об остракизме в трудах Аристотеля, и эти суждения, естественно, стоят на гораздо более высоком уровне, нежели эмоциональные восклицания Андокида. Прежде всего, они научны, вызваны стремлением отыскать истину, а не целями политической борьбы. Далее, они спокойны: чувствуется, что остракизм уже де-факто отошел в прошлое, перестал быть актуальной и злободневной темой. К тому же Стагирит пытается отметить как негативные, так и позитивные черты остракизма.

В «Афинской политике» (22.1) отмечается, что, издавая закон об остракизме, «Клифен имел в виду интересы народа (*tu plethus*)». Соответственно остракизм стал активно применяться тогда, когда народ «осмелел» (*tharrhuntos*) после Марафонской битвы (*Ath. pol.* 22.3). Но в наиболее общей форме оценка остракизма дается Аристотелем в трактате «Политика» (1284a 4 sqq.)¹⁰. Философ обращает внимание на то, что функционирование остракизма в полисных условиях вызвано объективными и неизбежными факторами, а именно стремлением государств избавиться от граждан, чрезмерно «выделяющихся» из числа остальных и тем самым нарушающих соразмерность целого. Эта проблема оказывается актуальной для любых типов политических систем (олигархий, демократий, тираний), и все они вынуждены искать различные пути ее решения. Как пишет Стагирит, «вообще вопрос этот стоит перед всеми видами государственного устройства (*tas politeias*), в том числе и перед правильными (*tas orthas*). Правда, в тех видах государств, которые являются отклонениями (*parekbebekeuiai*), применение этого средства делается ради частных выгод, но оно в равной степени находит себе место и при государственных устройствах, преследующих

¹⁰ По поводу этого пассажа и содержащихся в нем оценочных суждений см. более подробно: Raubitschek 1986; Neftner 2002.

общее благо (to koinon agathon)» (цитаты из «Политики» здесь и далее в переводе С. А. Жебелева). Таким образом, и сам Аристотель оказывается стоящим на тех же позициях, весьма распространенных в полисном мире с его идеалом меры и гармонии. В результате, в целом без всякого восторга относясь к остракизму, он тем не менее отмечает: «Там, где дело идет о неоспоримом превосходстве, мысль об остракизме находит некое справедливое оправдание... Итак, ясно, что при тех видах государственного устройства, которые представляют собой отклонения, остракизм как средство, выгодное для них, полезен и справедлив (sympherei kai dikaion esti); но ясно и то, что, пожалуй, с общей точки зрения остракизм не является справедливым».

Видно, что автор «Политики» сталкивается с затруднениями, пытаясь дать оценку остракизму, колеблется. Вводя категорию «справедливого», он не без удивления обнаруживает, что остракизм одновременно и соответствует этой категории, и противоречит ей. Аристотель вынужден постоянно оговаривать, что остракизм находит себе оправдание преимущественно в «отклоняющихся» государственных устройствах. В идеальном же государстве (epitēs aristēs politeias) этот институт не должен найти себе места, и в нем, если появится гражданин, намного превосходящий остальных, не останется ничего другого, как сделать его пожизненным царем. Однако любой разговор об идеальном государстве мог в условиях того времени иметь лишь теоретический интерес; в реальности же приходилось жить, естественно, именно в «отклоняющихся» полициях. По отношению к ним тезисы Аристотеля сохраняют всю свою силу: остракизм оказывается необходимым и неизбежным, пусть и далеко не совершенным средством. Сочетание «справедливых» и «несправедливых» черт в остракизме постоянно тревожит философа; в другом месте «Политики» (1302b 15 sqq.) он указывает, что, чем прибегать к остракизму, «было бы лучше уже с самого начала следить за тем, чтобы в государстве не появлялись люди, столь возвышающиеся над прочими, нежели, допустив это, потом прибегать к лечению». Итак, остракизм – в некотором роде «лекарство», хотя лекарство, конечно, горькое. Аристотель, таким образом, стремится высказать максимально взвешенное и объективное суждение об остракизме, оттеняющее в нем как позитивные, так и

негативные стороны. И все-таки, по большому счету, остракизм остается для него загадкой. Для того чтобы разгадать эту загадку, необходимо было выйти за пределы полисного менталитета, посмотреть на него извне, чего Стагирит сделать не мог, да и не хотел.

Отрицательно оценивают остракизм римские авторы, упоминавшие о нем в I в. до н. э. – I в. н. э.: Цицерон (*Tusc. V. 105; De amic. 42*) и Корнелий Непот (*Them. 8; Aristid. 1; Cim. 3*), Мусоний Руф (*fr. 9 Hense*). Они не видят в этом институте ничего кроме бессмысленной зависти, ненависти и неблагодарности афинских граждан к своим выдающимся государственным деятелям и полководцам. И действительно, ничего не могло быть более чуждого римским воззрениям на государство, личность, политического лидера, чем остракизм¹¹¹. Но ведь в Риме никогда и не было такой полномасштабной демократии, как в Афинах.

Совсем иначе смотрит на остракизм Плутарх, который, хотя и жил уже в римскую эпоху, но рассуждал и писал всецело в рамках греческой этико-политической мысли. Он считает остракизм не проявлением зависти к выдающимся людям, а, напротив, «средством утишить и уменьшить зависть (*phthonu*)» (*Plut. Them. 22*). В другом месте (*Aristid. 7*) херонейский биограф говорит о том, что остракизм «по сути дела оказывался средством утишить ненависть, и средством довольно милосердным (*philanthropos*): чувство недоброжелательства находило себе выход не в чем-нибудь непоправимом, но лишь в десятилетнем изгнании того, кто это чувство вызвал». Таким образом, Плутарх делает упор на гуманном характере остракизма, имея в виду, что в условиях внутривнутриполитической борьбы в полисе влиятельный гражданин мог подвергнуться и гораздо худшей участи, нежели просто десятилетнее изгнание. В этом он, кстати, совершенно прав: известно о действительно жестоких расправах афинян над собственными политическими лидерами (см. по этому поводу: Клох 1985). Плутарх даже особенно настаивает на «почетном» характере остракизма, который в определенных ситуациях мог выглядеть, как «почесть». Таким образом, чем больше времени проходило с эпохи реального функционирования остракизма, тем больше позитивных сторон находили в нем античные авторы и тем

¹¹ Как уже справедливо отмечалось: Runciman 1991: 364.

больше затушевывались, отходили на задний план недостатки института и его издержки.

Это высказанное нами положение подтверждается и на материале еще одного автора эпохи «второй софистики» – выдающегося ритора Элия Аристида (II в. н. э.). Аристид стремится дать такую оценку остракизма, в рамках которой этот институт не выглядел бы чем-то исключительно негативным. Указывая на отрицательные стороны остракизма, Аристид подчеркивает в то же время и вполне законный, легитимный характер этой меры. Так, он пишет (XLVI. p. 242–243 Jebb = II. p. 316–317 Dindorf): «Фемистокл и Кимон были изгнаны остракизмом. Но это случилось не по причине ненависти или враждебности народа к ним, а просто был у них закон (*nomos*) на этот счет, по которому что-то подобное было положено (допускаю, что закон этот не слишком похвален). Таким образом, их проступок не был неизвинительным, а имел как бы вид благопристойности (*euphrosinai*) по отношению к этим людям: ведь все происходило, как я сказал, по закону. Закон же был таков: чрезмерно влиятельных подвергали унижению, изгоняя на десять лет, но при этом не прибавляли каких-либо обвинений, изобличений или гнева... Так что же, справедливо поступали афиняне, изгоняя Кимона и Фемистокла? Я бы так не сказал, однако они и не совершали чего-то уж очень постыдного: и у изгонявших было некоторое оправдание (*paraitesis*), и для изгнанных случившееся с ними несчастье не влекло за собой позора...» Обратим внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, Аристид настойчиво подчеркивает, что изгнание остракизмом проводилось согласно закону, на законном основании, и уже в этом заключается некоторое оправдание для самого мероприятия. Пусть закон этот не похвален, пусть он даже несправедлив, но это – закон, и нельзя чрезмерно порицать тех, кто ему следует. Очевидно, греческий ритор, живший в реалиях Римской империи, уже в определенной мере проникся римским правовым сознанием (*dura lex sed lex*). А может быть, здесь и другой нюанс: остракизм – суровая, но *законная* мера – противопоставляется Аристом проявлениям беззакония и произвола, которые должны были быть знакомы ему не понаслышке. Во-вторых, цитировавшийся автор говорит о том, что остракизм не был связан с каким-то гневом на его жертв, выражался лишь в изгнании, а не в

чем-то более тяжелом. Здесь звучат те же нотки, что и у Плутарха. Остракизма Аристид не оправдывает, но, в общем, и не осуждает.

Элию Аристиду вторит позднеантичный писатель Евнапий (*Vitae soph.* XXI.2.1), который пишет, что закон об остракизме у афинян «гласил только о том, чтобы изгонять людей из города, а больше никакого наказания к этому не прибавлялось». Здесь речь идет о той же относительной мягкости обсуждаемой меры, которая противопоставлялась произволу, царившему в эпоху жизни автора, когда ни в чем не повинные люди зачастую подвергались по приказу императоров куда более жестоким карам (в данном случае речь идет о ссылке в IV в. н. э. врача Орибасия, друга императора Юлиана, пострадавшего от его преемников).

Впоследствии, в византийской традиции, возобладало негативное отношение к остракизму. Об этом институте уже мало что помнили, передавали его сущность с большими искажениями (подробнее по сюжету см.: Суриков 2000e) и при этом подчеркивали несправедливость и бесчеловечность такой меры, как изгнание выдающихся людей фактически за их заслуги и достоинства, а не за пороки. Именно такими тонами проникнуты, например, рассуждения об остракизме, встречающиеся у Иоанна Цеца (XII в.), Феодора Метохита (XIII–XIV вв.) и др. Не случайно в это время все чаще начинают вспоминать известную историю об Аристиде и не знакомом с ним крестьянине, желающем изгнать этого политического деятеля исключительно за его «чрезмерную» справедливость. История эта разукрашивается все новыми риторическими подробностями и совершенно отрывается от какой-либо реальности. Строго говоря, оценочные суждения византийских авторов по поводу остракизма гораздо больше говорят о них самих и их времени, нежели об этом институте политической системы классической афинской демократии. Понятно, например, что для Метохита тема несправедливых страданий достойных людей оказывалась особенно актуальной в свете его собственной бурной карьеры, сопровождавшейся и взлетами, и падениями.

Подводя итог вышесказанному, можно заметить, что возможны два основных взгляда на остракизм: с точки зрения индивида и с точки зрения гражданской общины, коллектива, государства. И вполне естественно, что эти взгляды окажутся противостоящими

друг другу. Аристократическая личность в условиях демократии не могла оценить остракизм иначе, как отрицательно, поскольку именно по ней в первую очередь наносит удар рассматриваемая процедура. Проявлением именно этой, «индивидуалистической» оценки остракизма является, например, IV речь Андокида. С других позиций смотрит на остракизм Аристотель: он исходит из интересов полиса в целом и в результате приходит к выводу, что, каким бы несимпатичным ни был этот институт как таковой, в нем есть несомненная необходимость и правомерность, поскольку он при всех своих недостатках позволяет защищать целое от «несоразмерности» отдельных его частей, то есть, переводя на язык современных категорий, противостоять индивидуалистическим тенденциям, направленным на подрыв полисного коллективизма. Плутарх в своем описании остракизма пытается совместить оба подхода к проблеме, указывая на то, что «суд черепков» для массы граждан оказывался благотворным, смягчая их зависть и ненависть к лидерам, а для этих последних – достаточно мягким и не губительным. Впрочем, херонейский биограф и здесь, как почти везде, достаточно поверхностен.

Аристотель, пожалуй, глубже, чем кто-либо в античности, посмотрел на остракизм. Он уловил и изложил – конечно, на языке своего времени – исключительно важные характеристики данного института. Возникновение остракизма было возможно только в полисных рамках, причем в определенных исторических условиях, в обстановке борьбы индивидуалистической и коллективистской тенденций (об этой борьбе см.: Суриков 2004а: 14). Эта тема всегда была актуальна для полиса; именно ее имеет в виду Стагирит, когда говорит о соразмерности частей целого. Остракизм из двух названных тенденций воплощал, бесспорно, коллективистскую. И в ее контексте он был, вне всякого сомнения, правомерен, логичен и конструктивен.

И еще один момент следует отметить, когда мы говорим, что остракизм – порождение полиса. Знаменательным представляется мимоходом высказанное суждение такого выдающего мыслителя, как Платон (Gorg. 516d). Говоря о Кимоне, этот философ указывает, что афиняне «подвергли его остракизму, чтобы десять лет не слышать его голоса». На этот нюанс необходимо обратить внима-

ние (ср.: Jones 1956: 119; Finley 1983: 29, 55; Scheidel 2002; Грант 1998: 101). В условиях политической жизни полиса – с его прямым народоправством и отсутствием средств массовой информации – громадную роль играла непосредственная устная коммуникация: именно на ее уровне осуществлялось общение лидеров, членов элиты с массой демоса. Афины V в. до н. э. были – даже при широком распространении грамотности – в первую очередь, миром устного, а не письменного слова. В подобной ситуации единственным по-настоящему эффективным способом обезвредить политического противника было удаление его из полиса (через изгнание, в конце концов, через казнь): только таким образом можно было пресечь его контакты с гражданским коллективом, но зато уж это средство оказывалось действующим безошибочно: стоило политику оказаться за пределами полисной территории (пусть даже без какого-либо ущемления в правах, без атимии, как при остракизме) – и он терял всякую возможность оказывать влияние на политическую жизнь. Институт остракизма и прямая полисная демократия оказываются неразрывно связаны.

Литература

- Грант, М.** 1998. *Греческий мир в доклассическую эпоху*. М.
- Карпюк, С. Г.** 1986. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах. *ВДИ* 1: 17–35.
- Лурье, С. Я.** 1929. *История античной общественной мысли: Общие группировки и умственные движения в эллинском мире*. М. – Л.
- Люгебиль, К. Я.** 1868. *Историко-филологические исследования*. СПб.
- Никитюк, Е. В.** 2002. Гетерия Эвфилета: К истории олигархического движения в Афинах в конце V в. до н. э. *Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире (71–80)*. СПб.
- Суриков, И. Е.**
1999а. Институт остракизма в Афинах: проблемы и перспективы изучения. *Античный вестник*. Вып. 4–5 (126–143). Омск.
1999б. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи. *Древнее право* 2 (5): 34–42.
2000а. Закон Клисфена об остракизме: к реконструкции некоторых формулировок. *Древнее право* 1 (6): 14–22.

- 2000b. Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами. *Hyperboreus* 6. Fasc.1 (103–123).
- 2000c. Камень и глина: к сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций. *Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход)* (273–288). М.
- 2000d. К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма. *Античность: эпоха и люди* (17–27). Казань.
- 2000e. Долгая память о древнем институте (сообщения византийских авторов об остракизме и проблема их достоверности). *Восточная Европа в древности и средневековье: Историческая память и формы ее воплощения* (137–143). М.
2001. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н. э. и первые остракофории. *ВДИ* 2: 118–130.
2002. Античная нарративная традиция об институте остракизма. *Studia historica*. Т. 2: 51–74. М.
2003. IV речь корпуса Андокида как исторический источник. *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. 13 (3–13).
- 2004a. Функции института остракизма и афинская политическая элита. *ВДИ* 1: (3–30).
- 2004b. Остракизм как политический институт афинского полиса классической эпохи. *Автореф. дис. ... докт. ист. наук*. М.
- 2004c. *Проблемы раннего афинского законодательства*. М.
- Brenne, S.** 2001. Ostrakismos und Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien.
- Calderini, A.** 1945. L'ostracismo. Como.
- Camp, J. M.** 1986. The Athenian Agora: Excavations in the Heart of Classical Athens. L.
- Carcopino, J.** 1935. L'ostracisme athénien. 2 ed.
- Finley, M. I.** 1983. Politics in the Ancient World. Cambridge.
- Hall, L. G. H.** 1989. Remarks on the Law of Ostracism / *Tyche*. Bd. 4. S. 91–100.
- Hansen, M. H.** 1989. Was Athens a Democracy? Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen.
- Heftner, H.** 2002. Т. 34–38. Aristoteles, Politika. Zusammenfassende Betrachtung der Ostrakismos-Zeugnisse // В № 34. S. 444–446.
- Heftner, H., Scheidel W., Siewert P.** 2002. Zusammenfassende Auswertung der vorhellenistischen Testimonien // В № 34. S. 479–509.

Jones, J. W. 1956. *The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction*. Oxf.

Kagan, D. 1961. The Origin and Purposes of Ostracism. *Hesperia*. V. 30. No. 4. P. 393–401.

Kinzl, K. H. 1977. Athens: Between Tyranny and Democracy. *Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory*. P. 199–223.

Knox, R. A. 1985. “So Mischievous a Beast?” The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians. *Greece & Rome*. V. 32. No. 2. P. 132–161.

Lang, M. 1990. Ostraka. *The Athenian Agora*. Vol. 25. Princeton.

Mirhady, D. C. 1997. The Ritual Background to Athenian Ostracism. *Ancient History Bulletin*. V. 11. No. 1. P. 13–19.

Ostrakismos-Testimonien. Ostrakismos-Testimonien I. Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.) / Hrsg. von P. Siewert. Stuttgart, 2002.

Raubitschek, A. E. 1986. Aristoteles über den Ostrakismos. *Tyche*. Bd. 1. S. 169–174.

Runciman, W. G. 1991. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end. *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf. P. 347–367.

Scheidel, W. 2002. T. 36. Aristoteles, Pol. 3, 1288a 24–26 (347–336 v. Chr.): Ostrakismos als Maßnahme gegen herausragende Persönlichkeiten // B № 34. S. 432–434.

Siewert, P. 1989. Pseudo-Andokides or. 4 (gegen Alkibiades) als historische Quelle. *Innere und äußere Integration der Altertumswissenschaften*. Halle. S. 226–232.

Sinclair, R. K. 1991. *Democracy and Participation in Athens*. Cambridge.

Thomsen, R. 1972. *The Origin of Ostracism: A Synthesis*. Copenhagen.

Thür, G. 1995. Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert (321–331 v. Chr.)*. Stuttgart.

Vanderpool, E. 1970. *Ostracism at Athens*. Cincinnati.